

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

ДС

Экран и сцена. - 1991 - 21 нояб. (№ 47) - с 4.

Жанры двух этих артистов-чтецов полярны: современная бытовая сатирическая миниатюра и философский поэтический театр. Энергичнейшая эстрадная прима, обладательница новейшего женского комедийного репертуара и изысканный мастер художественного слова, предлагающий своим слушателям платоновскую «Апологию Сократа», Ахматову, Пастернака, Уитмена и Рильке. Столь непохожие, эти двое объединены замыслом картины, хотя в ином случае могло бы выйти и просто два разных фильма.

Зрители не увидят в картине, как Клейнер читает, а Новикова разыгрывает свои монологи. Концертности, триумфа и блеска тут нет и в помине. Есть лишь бесконечные томительные эпизоды того, что предшествует выходу на сцену. Неизменный ва-

Телефильм режиссера Ольги Ольгиной — о Кларе Новиковой и Рафаэле Клейнере вряд ли даст возможность зрителям полагать, что в жизни эти артисты большие друзья. Слишком разные они люди, проживающие свою сценическую жизнь на слишком отдаленных художественных территориях. Собственно, это и есть исходная позиция документального фильма «Взойти на сцену» («Союзтелефильм»).

Другая
ЖИЗНЬ

стиничный номер, неопрятность закулисья, и в подтверждение названия — сам путь по коридору от грим-уборной до сцены. И еще беспокойство, плохое настроение, тяжелые тревоги, разочарованность, растерянность, раздражение, злость и, собственно говоря, слезы.

Сюжет фильма не выдуман и не организован режиссером. Все взято из жизни, точнее, из двух актерских жизней, оказавшихся печально-похожими и составляющими вместе как бы одну-единую. Типичную жизнь отечественного эстрадного актера (для тех же, кто незнаком с ее изнанкой, наверное, странную, неожиданную), проходящего путь униженных мизерных ставок, цензуры, непонимания, одиночества и частого ощущения ненужности собственного труда (ненужности, впрочем, как в эстетическом плане, так и в жизненно-конкретном: артист приехал — а концерт его оказался отменен). Словом, тяжкий, одинокий путь.

На вопрос: «Чего все-таки в твоей жизни было больше — успехов и удовлетворения или неудач?» Клейнер резко отвечает: «Горя. Ведь ничего не разрешали читать — ни даже русскую классику или дневники Достоевского. Сделанные программы не пропускали. Сейчас — пожалуйста, все разрешено. Но сейчас общество занято совсем иным. У меня же

другой профессии нет. И другой жизни нет. И другого дела нет».

Нынешний день, приверженный к впечатляющей злободневности монологам Новиковой, утратил вкус поэтического театра, еще любимого в семидесятые годы. Натиск, быстрота, налет, поспешная подвижность реприз спектакля «Соло для кровати со скрипом» сегодня кажутся предпочтительнее философской сосредоточенности композиций Клейнера. Да, аудитории актеров различны, как различна и их популярность. Но именно Клейнер, художник слова и просветитель, создавший и выстрадавший двадцать восемь поэтических программ, ощущает сегодня одиночество и невостребованность своего монотеатра.

«Взойти на сцену» — грустный фильм, потому что сцена, успех, признание остаются где-то за кад-

гон, куда-то увозящий артиста, промозглость примелькавших перронов, афиша поэтического вечера в техникуме, приклеенная рядом с расписанием занятий по стрельбе, дом и быт и, конечно же, го-

ром. На экране только то, что сопутствует восхождению. Но это совсем другая жизнь.

Ольга ИГНАТЮК